

О НАСТОЯЩЕМ ВРЕМЕНИ СУБЪЕКТА РЕЧИ

Статья посвящена актуальным проблемам коммуникативной грамматики, в частности роли субъекта речи в формировании грамматических значений 'временности' и 'все-временности' настоящего времени изъявительного наклонения во французском языке. Момент речи интерпретируется как время речи субъекта. В зависимости от того, производит ли субъект в момент своей речи действие (речевое, физическое) или передает знания, определяются его роли: говорящий, наблюдатель, сообщающий.

Субъект речи, являясь производителем текста, использует форму настоящего времени с определенным грамматическим значением в той или иной прагматической функции в зависимости от своих интенций и цели текста.

Введение

Обращение к таким глобальным проблемам, как "Действительность и язык", "Язык и человек", привлечение к лингвистическим исследованиям данных других наук (философии, психологии, естествознания, литературоведения и т.д.) позволяет по-новому интерпретировать, казалось бы, основательно изученные и эксплицированные явления и факты языка, к которым, безусловно, относится грамматическая категория времени глагола во французском языке и настоящее время в частности.

В связи с поворотом парадигмы знаний к антропоцентризму и эгоцентризму в лингвистике исследуется человек как носитель языка, как посредник между языком и экстралингвистической действительностью.

Человек способен производить индивидуальный акт речи, порождать высказывание, обобщаться и формировать концепт "субъект речи". Субъект речи создает свое временное пространство, соотносимое с параметрами "здесь" и "теперь" и в силу постоянной повторяемости и актуальности определяемое французским лингвистом Э. Бенвенистом как "вечное настоящее" («éternellement "présent"» [1, p. 262-263]).

Основная часть

Основным лингвистическим средством выражения актуального настоящего субъекта речи является грамматическая форма настоящего времени изъявительного наклонения, которая во французском языке отличается немаркированностью, омофоничностью и в парадигме спряжения оказывается зависимой от лица, выполняющего одну из коммуникативных ролей: *Je* – говорящий, *Tu* – слушающий, *Il* – субъект/объект, о котором говорят, что предопределяет субъективную сущность настоящего времени и – а priori – функциональную зависимость от субъекта речи.

Субъект речи является производителем как устного, так и письменного высказывания/текста и употребляет лексические и грамматические средства в соответствии со своими целями и интенциями. В связи с этим теоретически и практически важными задачами являются выявление и экспликация лингвистической природы настоящего времени субъекта речи, которое используется как грамматическое время или прагматическое средство организации высказывания и текста.

Исследованию семантики настоящего времени посвящена практически необозримая литература. Тем не менее, остаются дискуссионные вопросы и, в первую очередь, проблема основополагающего понятия *момент речи*. Опираясь на теорию времени Г. Гийома [2], нашедшую продолжение в трудах А. Жакоба [3], на данные о реальном времени, следует сделать вывод о том, что момент речи имеет экстралингвистические и лингвистические параметры. Момент есть мгновение, через которое как внеязыковую сущность субъект речи “включается” в бесконечную временную протяженность, а также время, в течение которого производится высказывание/акт речи и которое поддается измерению. Таким образом, *момент речи* – понятие, отражающее синхронность реального времени и времени речи субъекта.

В момент речи субъект может сам производить действие (речевое или физическое), наблюдать и комментировать действия третьего лица или сообщать о своих знаниях. Отсюда и роли субъекта речи: говорящий, наблюдатель, сообщающий.

Парадигматический статус настоящего времени изъявительного наклонения раскрывается в оппозиции ‘временности’, ограниченной непосредственной связью с физическим моментом речи настоящего и ‘всевременности’, характеризующейся разрывом с моментом речи.

Под ‘временностью’ понимается значение, соотносящееся с хронометрическим временем, совмещенность момента физического времени действия и момента речи как конкретного периода определенной протяженности. Время действия, синхронное времени протяженности речи, передается прежде всего перформативным высказыванием, поскольку перформативные глаголы «по определению являются глаголами “мгновенного действия”» [4, с. 145].

Время речевого действия не просто синхронно периоду его произнесения: это единый момент действия и речи. Перформативным высказываниям свойственна аутореферентность, так как их референтом является речевое действие самого субъекта/говорящего.

Замена первого лица на второе или третье превращает перформативное аутореферентное высказывание в комментарий наблюдателем реализуемых на его глазах действий другого лица. Длительность комментария, например прямого репортажа о футбольном матче, равна временному периоду следующих друг за другом точечных действий.

Перформативное и комментирующее высказывания реализуют прямую референцию к конкретному отрезку времени действия, длительность которого поддается измерению (например, *минута* одноактного речевого действия, *девятьюсто минут* прямого репортажа о футбольном матче или, например, *два часа* прямого репортажа с места событий).

‘Всевременность’ характеризуется расхождением действия и момента речи, абстрагированностью от временной протяженности, что ведет к потере значения ‘временности’ и параметра “говорящий/наблюдатель”. Действие реализуется вне физического временного и локального пространства субъекта речи. Переход из области физического (активного) восприятия действительности в область ее постижения сознанием сопровождается изменением роли субъекта речи: он дает информацию об известных ему фактах как своих знаниях в роли сообщающего.

‘Временность’ передается значениями настоящего интенсивного/точечного/актуального и объединяется общим значением настоящего времени речи субъекта; ‘всевременность’ – в значениях настоящего обычного/постоянного/невременного/вневременного: форма с этими значениями референтна не к действию/ситуации, а к известному факту. ‘Всевременность’, имеющая в своей основе знания субъекта речи, квалифицируется как ‘когнитивно-эпистемическое’ значение.

Важным параметром в определении семантики настоящего времени является активность/неактивность субъекта речи, что предопределяет субъективность употребления грамматических значений настоящего времени изъявительного наклонения. В соответствии с этим параметром исходным значением грамматической категории времени во французском языке становится настоящее интенсивное, которое содержит семантический компонент “активный субъект речи” и ограничивается синхронностью времени речи и действия субъекта.

Комплексное исследование семантики настоящего времени изъявительного наклонения во французском языке в рамках когнитивно-дискурсивного подхода послужило основой для выявления и экспликации целевого использования формы настоящего времени субъектом речи/производителем текста того или иного типа, т.е. прагматических функций формы настоящего времени.

Дифференцирующим критерием типологии избранных текстов является роль производителя текста, а также его коммуникативная обращенность к общечеловеческому или личному опыту. Производитель текста выполняет различные роли: говорящий – в диалогическом тексте, наблюдатель – в репродуктивном тексте, сообщающий – в историографическом, художественно-историческом текстах, в информативном (научно-теоретическом и экспликативном) и тексте художественного вымысла. Особое место занимает эгоцентрический текст, в котором субъект воспоминания может выполнять роль и говорящего, и наблюдателя, и сообщающего.

В диалогическом тексте форма настоящего интенсивного становится одним из показателей эмоциональности реплик/реакций говорящих/персонажей и используется в прагматической функции настоящего *эмотивного*; в репродуктивном тексте-комментарии при перечислении действий другого лица эмоциональность исключается: наблюдатель использует форму настоящего точечного или актуального в прагматической функции настоящего *сценического*; в репродуктивном тексте-описании при употреблении настоящего актуального в прагматической функции настоящего *дескриптивного* изображаемая картина оживает, показывается в динамике.

Информативному тексту, предназначенному для передачи фактических сведений, предписаний, указаний, присуща наибольшая степень нейтральности, что подтверждается отсутствием местоимения первого лица: сообщающий отстраняется от передаваемых им сведений. В тексте данного типа форма сказуемых реализует грамматические значения настоящего постоянного/невременного/вневременного и выполняет прагматическую функцию настоящего *автономного* (*PR d'autonomie*) [5, р. 59]. Цель текста – констатировать стабильность положения дел и независимость от отношения к нему сообщающего.

В экспликативном тексте, целевая установка которого заключается в анализе того или иного явления, объяснении его сущности, последствий, сообщающий более активен: он сам вовлекается в процесс экспликации и вовлекает в него читателя. Прагматическая функция формы настоящего постоянного – настоящее имплицативное (“*PR d'implication*” [5, р. 59]), целевое назначение которого – вовлечь/включить адресата в процесс познания в момент чтения.

В историографическом/документальном тексте при передаче информации о реальных событиях, действительно имевших место в прошлом человечества, сообщающий (историк) использует форму настоящего времени в прагматической функции настоящего исторического; в художественно-историческом тексте или тексте художественного вымысла – в прагматической функции настоящего изобразительного. Сообщающий тем самым стремится интенсифицировать истинность исторического факта или наглядно, как если бы на глазах, представить “живописную картинку” читателю.

В художественном тексте форма настоящего времени (значение настоящего вневременного) может использоваться в прагматической функции настоящего *афористического* с целью выделить суждение Другого (авторское слово, слово персонажа).

В эгоцентрическом (автобиографическом) тексте сообщающий воспроизводит памятные для него события или факты. Процесс воспоминания охватывает самые разные картины прошлого: обыденные действия, сильные личные переживания, мысли, обобщения, связанные с оценкой того, что было в прошлом.

В момент воспроизводства своего прошлого сообщающий передает слово субъекту воспоминания/персонажу (говорящему или наблюдателю), что сопровождается транспозицией формы со значением настоящего времени речи субъекта в форму настоящего времени внутренней речи. Грамматическая форма настоящего времени выполняет в эгоцентрических текстах различные прагматические функции. Форма настоящего обычного используется в функции настоящего *общей истины*, выделяет наиболее значимые для сообщающего факты, хранящиеся в его памяти и доступные памяти читателя. Для эгоцентрического текста, передающего эмоциональное воспоминание, свойственна прагматическая функция настоящего *эмотивного*.

Заключение

Таким образом, мы предлагаем комплексный подход к определению семантики настоящего времени, при котором учитываются:

- 1) синхронность/несинхронность действия/ситуации к моменту речи как интервалу реального физического времени;
- 2) аутореферентность/референтность личной формы сказуемого в высказывании (речевое или физическое действие);

3) источник информации субъекта речи: непосредственный личный/чужой опыт; общее знание известного/реального факта; умозаключение – результат личного/чужого опыта;

4) роль субъекта речи: *Я* – говорящий/действующий здесь и теперь; *Я* – наблюдатель, комментирующий действия/события в обозримом пространстве; *Я* – сообщающий, информирующий о знании факта.

Форма настоящего времени изъявительного наклонения во французском языке активно используется не только в своем грамматическом значении времени, но и в прагматической функции, выполняя коммуникативные установки субъекта речи – производителя высказывания/текста.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Benveniste, E.** Problèmes de linguistique générale, 1 / E. Benveniste. – Paris : Éd. Gallimard, 1966. – 356 p.
2. **Guillaume, G.** Temps et verbe. Théorie des aspects des modes et des temps / G. Guillaume. – Paris, 1968. – 200 p.
3. **Jacob, A.** Temps et langages. Essai sur les structures du sujet parlant / A. Jacob. – Paris : Armand Colin Éd., 1992. – 411 p.
4. Межкатегориальные связи в грамматике / А.В. Бондарко [и др.] ; под ред. А.В. Бондарко. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1996. – 231 с.
5. **Besson, M.-J.** Les valeurs du présent dans le discours expositif / M.-J. Besson // Langue française: Temps et discours: études de psychologie du langage / [prés. et éd.] J.P. Bronckart. – Paris : Larousse, 1993. – № 97. – P. 44–59.